

Может ли система среднего профессионального образования быть организатором промышленного развития России?

Юрий КРУПНОВ, председатель Образовательного общества, лауреат премии Президента РФ в области образования 1999 года

Вопрос в заголовке может вызвать недоумение: разве у нас нет ведомств и организаций, которые отвечают за промышленность и производство? Каким образом система среднего профессионального образования может вдруг оказаться у руля одного из самых значимых направлений государственного строительства?

Недоумение закономерно, но оно должно рассеяться, если мы станем добросовестно отвечать на два других вопроса: **а кто у нас реально продумывает промышленное развитие и организует его? И кто в наибольшей степени заинтересован в реальном промышленном развитии России?**

Моя версия ответа такова: определённого субъекта промышленного развития в стране нет. Подчеркну: именно **субъекта промышленного развития**, а не субъекта эксплуатации оставшихся в наследство из советского времени производственных мощностей. А ведь объективная заинтересованность в промышленном развитии должна быть у тех, кто фактически обеспечивает производственную деятельность — фундамент промышленности. **Те, кто образовывает трудовые кадры, и являются единственной заинтересованной силой.** Среднее профессиональное образование напрямую и всецело зависит от того, есть ли в стране труд и какого он качества. Какого качества работодатель — либо алчный и близорукий, либо общественно-ориентированный и умеющий смотреть вдаль. Иначе куда, в какую общественную реальность отправляет своих выпускников система среднего профессионального образования?

Приняв во внимание объективную логику этой прямой заинтересованности системы среднего профессионального образования в качестве отечественного труда, давайте посмотрим на её возможности влиять на промышленную стратегию страны.

Сегодня распространена точка зрения, в соответствии с которой **профессиональному образованию необходимо послушно следовать за рынком**, который и должен всё расставить по местам, определить востребованность конкретных профессий и специальностей, само количество обучающихся в средних специальных учебных заведениях. Отдельные руководители образования на региональном и федеральном уровнях всерьёз заявляют о многократной (в 3–7 раз!) избыточности этих учебных заведений и даже о многомиллионных убытках, которые приносит региону среднее профессиональное образование. Руководители с такой позицией — назовём её адаптивной — указывают на существенный дисбаланс между структурой среднего профессионального образования и структурой труда, сложившейся на рынке. То, что гигантский дисбаланс существует, очевидно для каждого, кто мало-мальски знаком с ситуацией. Но весь вопрос не в том, что дисбаланс есть, а в том, **что означает данный дисбаланс и что с ним делать?**

Общественно-производственный факт не может быть однозначным. Он определяется не только логикой, но и позицией наблюдателя. Ведь от того, что кто-то констатирует факт головной боли, абсолютно не следует, что её надо лечить гильотиной. Анальгин явно лучше. Так же и здесь. В зависимости от позиции по поводу существующего дисбаланса можно сделать не один, а, как минимум, два разных вывода.

Первый вывод, с адаптивной позиции, ясен: надо приводить структуру среднего профессионального образования в соответствие с рынком, со спросом на профессии, специализации, структурой и качеством профессионального труда в целом.

Второй вывод, если его делать с позиции организации промышленного развития, **будет прямо противоположным.** Надо не уничтожать структуру среднего профессионального

образования, не приводить её к примитивному сегодняшнему состоянию структуры и качества труда, а **определять необходимую новую структуру труда**, которую общество хочет иметь в своём распоряжении, и перестраивать под среднее профессиональное образование.

В любой современной промышленно развитой стране можно чётко различить три уклада: инерционный, коммерческий и пионерный.

Воспроизводственно-инерционный продолжает промышленную систему без существенных изменений. Это — крупные производства, созданные в 30–70-е годы, большинство которых (до 80–90%) сегодня стоит, и работающие на них составляют в структуре труда не более 20%. Этот уклад также можно назвать капитализационным, поскольку именно он при правильной организации воспроизводства создаёт общественное богатство. Сюда также входят и иностранные предприятия, поскольку переносят в Россию инерционные технологии и производства.

Коммерческий уклад успешно использует сложившуюся конъюнктуру и приносит прибыль. Большую часть его составляют старые крупные производства (к примеру, алюминиевый бизнес), эксплуатировать которые пока выгодно, поскольку мощности созданы усилиями всей страны, а прибыль почти не реинвестируется в воспроизводство (капитализацию) и развитие. Другая часть этого уклада — малоквалифицированный, примитивный посреднический труд, эксплуатирующий квалификационный и образовательный ресурс советского времени (как известно, среди челноков преобладают лица с высшим образованием). Доля коммерческого уклада — до 80%, а в отдельных регионах и муниципальных образованиях — и все 100%.

Пионерный уклад, или уклад развития, определяет ядро будущей национальной промышленной системы. Именно в него прямым или косвенным образом инвестирует эффективное государство. Работники для такого уклада нужны сверхквалифицированные, способные к опережающей профессионализации. К великому несчастью, доля пионерного уклада в российской структуре труда составляет сегодня величину, близкую к нулю: **фактически он отсутствует**.

Таким образом, **структура и качество современного труда носят явно деградиционный характер**. Мы находимся в ситуации исчезновения страны как промышленной державы, а наш труд превратился в примитивный, как в среднем африканском государстве. Труд, достойный советской промышленной системы и тысячелетней истории России, вымирает. А с вымиранием труда вымирает народ, превращаясь в послушное и неуправляемое население, а молодёжь с самого жизненного старта — в неперспективных безработных.

Нередко, когда говорят о труде и рынках труда, то ли по малограмотности, то ли умышленно стирают принципиальные различия между типами и формациями труда. Рассуждения о трудоустройстве, занятости, процентах безработицы словно специально произносятся для того, чтобы не допустить кардинального противопоставления, разведения разного труда. Так, никто не сумеет опровергнуть очевидный для любого здравомыслящего человека факт, что труд высококвалифицированного рабочего и специалиста в системе передовых индустрий (аэрокосмической, ядерной, энергетике, жизнеобеспечения и пр.) гораздо сложнее, чем труд банковского или конторского клерка, торгового работника, да и «малого предпринимателя», ремесленника.

Содержание и характер труда сегодня существенно усложняются. Возникают новые индустрии, профессии, существенно возрастает роль коммуникационной и гуманитарной культуры. Но всё равно и неоиндустриальный труд опирается в конечном счёте на индустриальный, **на систематические трудовые усилия, наращиваемые как общественная система деятельности на протяжении всей жизни**. Ремесленник может быть и высокоодарённым человеком, и художником в своём деле, но это **не будет высококвалифицированный специалист, получивший качественное профессиональное образование**. Ключевой показатель любой национальной промышленной системы — её мировой уровень. А это не только конкурентоспособность, но и способность работать без потерь для национального достояния, в частности, без кадровых потерь, в условиях максимальной открытости, интен-

сивного международного сотрудничества и многоязычия. Вне мирового уровня **качества труда** невозможно вообще говорить о труде, о кадровом обеспечении, о занятости, поскольку нет системы отсчёта.

Вот, к примеру, малое предпринимательство — очень лукавое понятие, поскольку его идеологи не понимают необходимость инфраструктурной «объемлющей» индустрии, которая связывает системно «малые предприятия». У нас почти не существует многовековой сложившейся традиции мелкой работы, а для реального обеспечения малых предприятий нужны сквозные инфраструктуры и индустрии. Только их надо видеть не как привычные цеха и заводы «из кирпичей и труб», а как национальные и международные системы деятельностей и стандартов, определяющие саму возможность эффективного труда. Такие механизмы инфраструктурного обеспечения местного труда называют в современной организации промышленности «простыми технологиями», т.е. технологическими модулями, которые позволяют семье или небольшому предприятию быть экономически успешным. Но проектирование таких «простых технологий», их распространение, испытание и модернизация, обучение работников на местах, снабжение — это всё **забота национальных промышленных систем**. Поэтому итальянские мини-пекарни или уличные пирожковые центры производят национальная итальянская промышленная система и научно-инженерная мысль, а дураками, **которые покупают втридорога чужие простые машины да ещё и разглагольствуют о приоритетности малого бизнеса, оказываемся, к великому сожалению, мы с вами.**

Любое малое предпринимательство возможно только **в условиях развитых и разнообразных укладов и формаций труда**. Если понимать полную несводимость разных формаций труда, то дисбаланс между профессиональным образованием и спросом на рынке труда приобретает принципиально новое значение. Можно даже сказать, что получается два дисбаланса.

С одной стороны, есть деградировавший советский труд с очень небольшими, почти незаметными вкраплениями нового неоиндустриального — труд 2001. С другой — есть тот тип труда, та новая формация, которую мы, как народ, должны спроектировать и построить, если хотим остановить африканизацию и остаться мировой державой с собственной конкурентоспособной и добротной национальной промышленной системой. А между этими двумя формациями труда — выродившейся старой и ещё не построенной (и даже не спроектированной за последние бездарные десятилетия!) новой находится среднее профессиональное образование, в основном отражающее базовую структуру советской системы труда. По своей структуре среднее профессиональное образование в формационно-системном плане является достаточно правильным: около 10–20% составляет пионерный уклад, около 40–60% — капитализационный или воспроизводственный и около 25–35% — коммерческий. **Именно среднее профессиональное образование должно способствовать появлению новой структуры труда**, его необходимо кардинально перестраивать с точки зрения содержания образования, но делать это — с позиции промышленного развития. То есть не в сторону сегодняшнего труда-вырожденца с искореженной структурой, а в сторону того, тех структур и качества труда, которые будут определять **сущность новой национальной промышленной системы**.

Мой исходный тезис: **либо система среднего профессионального образования выступит генеральным заказчиком, системным катализатором проектирования и формирования новой национальной промышленной системы, нового труда, либо среднее профессиональное образование приведут в соответствие с выродившейся структурой труда и Россия навсегда перестанет быть промышленно развитой страной, не способной выступать в качестве мировой державы.**

Ни в коем случае **нельзя допустить разрушения федеральной сети средних специальных учебных заведений, нельзя закрывать даже малую их часть**. Сохранить существующую сеть в её сегодняшнем виде — это должно стать законодательным принципом, нарушение которого надо рассматривать как вредительство, нанесение ущерба национальной безопасности страны. Ликвидационной логике, которая просматривается в идеологии при-

способления ССУЗов к вырожденной структуре и качеству труда, необходимо противопоставить логику образовательную, логику созидания и преемственности, логику развития на собственных отечественных традициях профессионального образования и труда. В настоящее время **никто, кроме системы среднего профессионального образования, не способен стать организатором восстановления промышленной дееспособности России.** Это единственный уже существующий и мощный субъект, который напрямую заинтересован в промышленном развитии и спасении подростков и молодёжи.

Как же организовать промышленное развитие, т.е. проектировать и создавать принципиально новую конкурентоспособную на мировых рынках национальную промышленность?

Базовый механизм — создание на основе и силами среднего профессионального образования новой индустрии, которая готовила бы кадры, способные к воспроизводству труда заданной структуры и высокого качества. Такую индустрию можно назвать кадровой индустрией. Именно она могла бы стать ядром профессионального образования, этой всеобщее значимой «товарной продукции».

В российской классификации средним профессиональным образованием называется то, что по всем международным классификациям — **высшее профессиональное образование.** Например, германская высшая профессиональная школа — Hochschule соответствует нашим ССУЗам, или колледжам, а термин «колледж» во всём мире традиционно указывает на высшую ступень профессиональной подготовки. Непонимание этого фундаментального факта во многом способствует разрушению того, что в мире называется высшей профессиональной школой, а у нас средним профессиональным образованием. Особенно опасно непродуманное внедрение замечательной идеи исследовательских университетов, нередко включающих ССУЗы в свою структуру без ясного понимания своеобразия среднего профессионального образования. Можно привести убедительные примеры того, что ССУЗы сумели стать агентами инновационного промышленного развития. Так, Энгельсский промышленно-экономический техникум в сложных условиях 90-х годов сумел создать успешно работающее производство, выпускающее чрезвычайно востребованную продукцию глубокой переработки и высокой научной ёмкости. Но главное — он готовит кадры, которые не просто востребованы на «рынке труда», **но востребованы и заказаны поддерживаемой самим техникумом промышленной системой,** реальным фактором формирования которой он стал. Энгельсский техникум делает оборудование для Российского Севера и создаёт тем самым индустрию жизнеобеспечения.

Уникальна система связи Тольяттинского техникума и знаменитого «Автоваза»: развитие среднего профессионального образования и промышленное развитие фактически стали параллельными взаимосвязанными процессами: **завод даёт чёткий заказ на подготовку кадров, а профессиональные кадры способствуют развитию завода.**

Роль пионерных ССУЗов прекрасно выразила заместитель директора Гусевского стекольного колледжа Владимирской области: **«Проблемы стеклоделов России — это наши проблемы».** Вот так с помощью образования, нацеленного на решение промышленных проблем путём подготовки специалистов, способных работать с опережающими технологиями, **система среднего профессионального образования формирует и новый труд, и новую промышленность.** Опыт пионерных ССУЗов позволяет увидеть подспудный **сдвиг российского труда,** который способен обеспечить заданное качество жизни, — труда социально ориентированного. И если мы решительно поддержим этот сдвиг, то сумеем выйти из состояния устойчивого вырождения и цивилизационного тупика.

За этим сдвигом очевиден **принципиально новый тип национальной промышленной системы,** способной поднять жизненный уровень страны, повысить зарплаты и пенсии, вернуть домостроительство, новые транспортные системы, оживить науку, продолжить развитие российской космической программы.

Правильная стратегия развития среднего профессионального образования, верное выделение новой, нарождающейся на наших глазах формации профессионального труда в России помогут выйти на **принципиально новый тип промышленности.** Её можно было бы

назвать жизневоспроизводственной или экотовоспроизводственной, а ситуацию развития этой промышленности описать очень просто: когда хочется жить, рожать, образовывать детей.

Малоизвестный и рано умерший экономист, доктор экономических наук Марк Голанский писал в 1997 году: «...когда хозяйства большинства стран функционировали как самовоспроизводящиеся макроэкономические системы, все страны без исключения должны были заниматься экономической активностью. Ни о каком новом международном разделении труда тогда не могло быть и речи. Теперь же, в новых условиях, производством будут заниматься только избранные страны. Выбирать эти страны и определять объём их производства будет исключительно МКХ [Мировое капиталистическое хозяйство], исходя из своих интересов подъёма мировой производительности труда и сохранения земной биосферы. Когда биосфера становится самым узким местом в жизни общества, научно-технический прогресс естественно превращается из трудосберегающего в природоохранительный... Сегодня в мире не только появилась возможность целиком переключаться на внеэкономическую деятельность, но и возникла такая необходимость...»

Подобные перспективы выглядят ещё более реалистичными на фоне ожидаемой переориентации научно-технического прогресса с задач повышения экономической эффективности на задачи спасения биосферы.

Похоже, что России не удастся попасть в число избранных мировых производителей. Вместе с тем не исключена вероятность того, что именно на внеэкономическом поприще Россию ждут дальнейшие подвиги и успехи. Именно здесь она найдёт себе какую-нибудь стабильную нишу — скажем, в области образования, науки, культуры, спорта и т. п. Тем более что как раз в этих областях она показала в прошлом свои незаурядные способности. Кто знает, может быть, в этом и состоит её призвание?..

Если наше предположение (а это пока всего лишь предположение) относительно прорыва России где-то за пределами экономической деятельности оправдается, то, видимо, отгораживаться ей от системы МКХ (в нашем рассуждении — это второй путь) будет не резон. Какой смысл рубить сук, на котором сидишь?..» (Москва, 1997 № 8)

Из рассуждений Марка Голанского следует несколько простых вещей.

Во-первых, у России единственная сфера спасения и бытия в мире — **внеэкономическая**. Если сделаем ставку на эту сферу, то у России появится возможность не опускать «железный занавес», но и не потерять экономическую самостоятельность.

Во-вторых, наше внеэкономическое призвание состоит не столько в том, чтобы создавать среду обитания, сколько в том, чтобы эту **среду обитания обживать**.

Вчитайтесь ещё раз в эту мысль М. Голанского. Ведь подобная формулировка такого призвания есть не менее чем утверждение необходимости **продолжать русскую космическую программу** на совершенно новых основаниях и принципах. Нужно не просто создавать среду обитания — типа станции «Мир», нужно научиться обживать все среды обитания, то есть продолжить заниматься тем, чем занимались лучшие генеральные конструкторы СССР: проектировали системы жизнеобеспечения космического, наземного и подводного базирования. Только теперь основной акцент сделать не столько на низовом жизнеобеспечении, сколько на характеристиках обживания, обустройства среды, освоения самой жизни соответственно назначению человека на Земле — т.е. **поставить во главу угла образование, науку, культуру, спорт и обеспечение здоровья как новой формы промышленности**.

А другой замечательный русский человек, доктор медицинских наук, социальный философ А.И. Гундаров мысль об одновременном существовании и взаимодействии экономической и внеэкономической сфер развивает на идеях качества жизни как фундаментальной нормы и параметров достойной жизни населения страны и её мирового значения. Именно качество жизни, по его мнению и по мнению огромного количества зарубежных учёных и практиков, может и должно стать **ядром нормативов и параметров нормальной жизни** в России и в мире.

На основе мыслей этих двух людей можно выстраивать серьёзные основания и контуры **российской национальной промышленной системы мирового уровня**, основным делом

которой должна стать разработка для себя и для мира методов и технологий обживания и достижения достойного качества жизни. Речь должна идти об инфраструктурном проектировании, о разработке национальных и транснациональных проектов новых транспортных систем, новых систем домостроительства и градостроительства, инфраструктур дизайна и обустройства, обеспечения качественным трудом любой территории России. Именно такое инфраструктурное проектирование систем обеспечения качества жизни наша страна имеет все шансы перевести в универсальный метод мирообщения. Одновременно это проектирование станет продолжением традиционной промышленной методологии России, восстановит для страны современную промышленность, вне которой мы будем оставаться паразитами мира и заслужим его презрение.

К несчастью, у нас очень мало людей, которые понимают сегодня, что такое промышленность, которые способны отойти от стереотипа больших заводских территорий и дымных труб, а с другой — преодолеть ещё более стереотипно-штампованный, пустой, вредный образ «постиндустриального, информационного общества», сводящего всё к безответственным и игровым кликам в Интернете вне реальной жизни и усердного, потного труда.

Для России промышленность — это системы преодоления ограничений природы и стихий во имя достоинства человека. Основа российской идеи промышленности и промышленного принципа — в русской литературе и русском слове (это прекрасно показывает во всех своих трудах, особенно в книге «История Руси и Русского Слова», выдающийся историк, философ и писатель В.В. Кожин). Именно литература и слово задают духовное пространство всечеловечности, «самостоянье человека, залог достоинства его» (А.С. Пушкин). Основа российского подхода к промышленности — это **материальная организация и реализация принципа свободы и власти духа, освобождения человека от природных и социальных пут**. И, конечно, такой подход никак не противоречит национальной идее, не ведёт к уничтожению природы.

Промышленное ни в коем случае нельзя отождествлять с чисто индустриальным, поскольку промышленное связано не только с усердием (именно так переводится industry), но, прежде всего, с **систематическим перспективным мышлением, мышлением вперёд**, как это ясно для каждого показывает само слово «промышленность», введённое в русский язык Н.М. Карамзиным и использованное великим Д.И. Менделеевым в его программах развития России в качестве определяющего фактора подлинной независимости и национального достоинства.

Основа восстановления России как мировой державы — **проектирование и построение внутреннего рынка**. Именно внутренний рынок должен стать зоной опережающего, приоритетного развития. Никакие экспортные внешнеторговые стратегии не восстановят промышленный потенциал и мощь России.

Для построения внутреннего рынка необходима **новая промышленная политика**. А для неё нужна сфера, субъект, которые были бы в состоянии выступить инициатором и локомотивом такой политики. Её основа — восстановление деятельностной или индустриальной базы в социально эффективных масштабах и мощностях. Фактически идёт речь о **реиндустриализации**.

Но идея эта требует крайне точного к себе отношения. Реиндустриализация — это ни в коем случае не восстановление существующих производственных мощностей. За этим неправильным пониманием стоит некий ментальный вывих нашего времени, который выражается в требовании через государственное регулирование создавать хорошие условия для производства, стимулировать экономику, инвестировать её. Как не понять, что нет у нас мало-мальски сопоставимых с западными, перспективных, требующих целевой поддержки и инвестирования отраслей и мощностей! Это типичная инерционная модель реиндустриализации. А её необходимо понимать как восстановление деятельностно-трудовой базы общества через **проектирование принципиально новых мощностей и индустрий**. При этом очень важно понимать сущностное отличие новых индустрий от старых отраслей. Дело в том, что новые индустрии производят не товары, а воспроизводство. **Это воспроизводственные ин-**

дустрии. К примеру, Севморпуть надо воспроизвести и для этого нужны индустрии средств воспроизводства и организации жизни, в структуре которых Севморпуть будет необходим.

В проектировании новых мощностей важнейшим элементом является производство средств воспроизводства. Этот новый функциональный подход к индустриализации позволяет принципиально по-новому отнестись к типичным и повсеместно будничным ситуациям России, а также показать ложность старых различий: например, сырьевая и промышленная направленность.

Возьмём проблему льна. В ответ на утверждение о способности Северо-Запада России выстроить индустрию льнообработки и льнопотребления на собственных основаниях вице-губернатор одной из областей заметил: «Франция является сырьевым придатком нашей области...». Этой фразой он остроумно определил парадоксальность современной экономики: сырьё не наше, но Франция с помощью льна воспроизводит собственную жизнь и стандарты качества жизни, а российские области, где традиционно возделывается или ранее возделывался лён не только не воспроизводят, но и обрушивают остатки жизни, что происходит на наших глазах.

Вне программирования национальной промышленной системы и создания достаточно густой «паутины» новых индустрий невозможна эффективная экономика. Задача восстановления и наращивания традиционного российского промышленного принципа требует **выделить кадровую индустрию в качестве базисной, которая должна восстанавливать и развивать национальные производительные силы и промышленную систему.**

В связи с этим необходимо полностью пересмотреть неадекватные представления о непроизводительности сферы образования, **ввести новые фундаментальные экономические основания образования профессионального.** В современной мировой экономической мысли (которую, к сожалению, наши малограмотные записные экономисты не знают) происходит радикальный пересмотр содержания понятия стоимости.

Во-первых, выделяется **отрицательная стоимость**, определяющая легальную работу, имеющую негативные общественные последствия. Речь идёт об индустрии развлечений типа казино, ночных клубов, торговли алкоголем. Понятие отрицательной стоимости позволяет ответственным работникам, например мэрам городов, не рассказывать людям о своих экономических успехах, построенных на основе этих вредных индустрий, систематически и эффективно уничтожающих перспективность и безопасность жизни многих молодых людей.

Во-вторых, **традиционная стоимость**, стоимость третьего ранга, связанная с производством востребованных вещей и услуг прямого потребительского пользования.

В-третьих, **воспроизводственная стоимость** (стоимость второго ранга), которая определяет ценность и цену труда по воспроизводству систем деятельности и национальной промышленной системы. Кадровая индустрия в чистом виде подпадает под эту категорию стоимости.

В-четвёртых, **стоимость развития** (стоимость первого ранга). Она определяет труд по созданию принципиально новых наук и практик, структурно усложняющих общественную жизнь без нарушения её преемственности со старой общественной системой. Кадровая индустрия, полагая в качестве сферы востребованности своей «продукции» — квалифицированных специалистов — новую промышленную систему, становится производителем и стоимости развития.

Во всём мире коммерческий уклад и соответствующее ему коммерческое сословие, производящее стоимость третьего ранга, а ради выгоды и отрицательную стоимость, называют «третьим сословием». Образовательное сообщество, почти всецело определяющее общественное воспроизводство, имело бы смысл характеризовать как «первое сословие». В любом случае очевидно, что все разговоры **о непроизводительности или тем более нерентабельности образования — как минимум неграмотны.**

Кадровая индустрия вполне может строиться на пересечении труда второй, третьей и четвёртой стоимости. Из этого и следует исходить.

Без новой экономики среднего профессионального образования невозможно не то что

преодолеть, но даже и показать **чудовищное недофинансирование** — в десятки раз! — этой системы. Именно с позиции новой экономики необходимо подходить к нормам финансирования среднего профессионального образования и социальной сферы в целом. Образование, как известно, экономисты относят к сфере услуг. Но именно организация кадровой индустрии впервые позволит нам определить параметры необходимого общественного труда в среднем профессиональном образовании и начать рассматривать образование как **сферу гуманитарного производства, создающего продукт фиксированного качества**.

Среднее профессиональное образование сегодня работает в условиях катастрофического дефицита ресурсов, и этот факт нашёл своё отражение в Национальной доктрине образования России. О нерентабельности или убытках со стороны среднего профессионального образования говорят те, кто хочет скрыть, оставить невыявленным вопиющее недофинансирование этой системы. Да, среднее профессиональное образование является сферой социально-гуманитарного партнёрства ССУЗов, педагогов и родителей, разнообразных сфер труда, которые формируют фактически заказ на качество среднего профессионального образования, должны контролировать качество кадров на «выходе» и адекватно платить за это качество.

Среднее профессиональное образование должно сегодня со своей позиции ставить вопрос не только о сохранении, но и о многократном увеличении финансирования системы как основы кадровой индустрии, производящей воспроизводственную стоимость и стоимость развития. Реально речь должна идти об увеличении финансирования в несколько десятков раз. **Любые разговоры о том, что «денег нет», к существу дела не относятся, поскольку эта уныло-заезженная фраза в устах чиновника любого ранга выражает не фактическую ситуацию в стране, а публичное заявление об отказе восстанавливать и продолжать национальное промышленное развитие, останавливать процессы деградации, африканизации, восстанавливать национальный суверенитет, организовывать строительство новой российской государственности, об отказе жить — полноценно и достойно.** Я уж не говорю о более веской причине, сформулированной котом Матроскиным в известном мультфильме: «Не денег, а ума у нас нет!»

В связи с этим **необходимо в опережающем режиме разрабатывать образовательное право**, которое позволит реально зафиксировать статус и роль образования в целом включая среднее профессиональное, в обществе в отношении к другим сферам.

Стратегией здесь, с нашей точки зрения, должно стать введение категории **кадрового тарифа** как законодательно фиксируемого показателя конкретной стоимости производства кадров в отношении к энергетическим, транспортным, торговым и иным тарифам. Кадровый тариф должен сопоставлять профессиональный уровень кадров и качество труда в базовых сферах деятельности, показывать вклад сферы профессионального производства и кадровой индустрии в совокупное национальное общественное богатство сравнительно с другими базовыми сферами. С технической стороны кадровый тариф мог бы стать аналогом механизма платы за трудовые ресурсы, платой за кадровый ресурс, мог бы прояснить многие проблемы, из года в год не решаемые и подрывающие кадровый потенциал нации.

Кадровый тариф потребует от Министерства обороны кардинально пересмотреть смысл всеобщей воинской повинности, систему профессионализации в Вооружённых Силах. Если же не пересматривать, то ввести новые механизмы защиты кадровой безопасности страны — например, систему бронирования выпускников на предприятиях федерального значения.

Придётся принципиально пересмотреть поверхностные псевдорыночные категории — «рынок труда», «работодатель», «занятость», «безработный» и массу других устаревших и бессмысленных терминов, заимствованных нашими дикарями от чиновничества и науки из вокабуляра неразвитых социальных служб Запада начала XX века. На место какого-либо ООО или АО, недавно образовавшегося и в любой момент способного самоликвидироваться, функции того, что именуется чудовищным термином «работодатель», должно взять на себя государство в лице чиновников, которые будут персонально отвечать своим креслом и благополучием за тот вопиющий факт, что разрушена промышленность в этом городе и молодым людям нет возможности войти в трудовую деятельность, поскольку она в данном месте от-

существует даже в примитивном виде. Тогда и «безработный» станет ненужным термином либо будет указывать на безобразное качество регионального или федерального планирования. Можно будет экономически рассчитать и выставить счёт конкретным виновникам, не инвестировавшим своевременно ресурс в среднее профессиональное образование и, таким образом, подорвавшим социально-трудовое благополучие региона. Можно будет привести многих наших деятелей в здравое сознание, объяснив им, что если они не платят тариф, то пусть хотя бы не разглагольствуют о низком качестве профессионального образования, не перекладывают вину со своей больной головы на здоровую. Отключение электричества или недопущение в поезд дальнего следования безбилетника, не оплатившего тариф, выглядит само собой разумеющимся. А вот **неоплата стоимости кадрового производства** никого не шокирует, даже не удивляет. Тариф позволит **предметно говорить о качестве образования как общественной востребованности и содержательно реформировать существующую систему профессионального образования**. Кадровый тариф позволит постепенно ввести в образование инвестиционный принцип: качество среднего профессионального образования, его кадровая продуктивность напрямую определяются объёмом инвестиций в образовательную деятельность.

Последовательно реализуемый образовательный инвестиционный принцип позволит избежать вредной иллюзии о том, что бывает бесплатное образование как экономический факт общественной жизни, что образовательная деятельность ничего не стоит. В экономическом смысле бесплатного образования не бывает.

В Законе РФ «Об образовании» образовательная деятельность зафиксирована как некоммерческая, более того — приоритетная среди всех некоммерческих деятельностей. К сожалению, на федеральном уровне за прошедшие годы сделано очень мало для создания оптимальных механизмов реализации этого закона.

Во всём мире сегодня доказано: экономика услуг в разных сферах жизни и деятельности принципиально разная. **Образовательные услуги ни в коей мере не являются коммерческими**. И это принципиальное положение следует не только из Закона РФ «Об образовании», но и из самых современных экономических и социологических научных представлений об особенном характере финансирования в социальной сфере.

Термин «услуга» (*нем. Die Dienst* — его переводят исключительно как «услуга», хотя он также означает «службу», «должность», «служение») имеет два прямо противоположных смысла: а) доход с обслуживающей работы или даже полная закреплённость человека-слуги; б) система нематериального производства, где необходимый труд не может быть высчитан только от продаж, поскольку имеет очень сложный и долговременный характер, определяется общественным служением, долгом.

Отсюда вытекают принципиально новые подходы к экономическому нормированию образования. Известны многочисленные зарубежные аналоги решения этой важнейшей социально-политической и экономической задачи: **использование фиксированной элитарной зоны высокого качества труда для подтягивания всей сферы и социального комплекса в целом**, а также для преодоления неравенства доступа к этой опережающей зоне тех слоёв населения, которые не способны без помощи государства и муниципальных органов управления самостоятельно платить за высокое качество труда и услуг.

Таким образом, **опережающая зона высокого гарантированного качества образования должна быть в максимальной степени переведена в безусловное национальное достояние, должна стать предметом приоритетной государственной заботы и поддержки**. А экономико-технологическим механизмом должен стать государственный кадровый тариф.

Какие же кадры нужны сегодня стране? При проектировании и создании российской кадровой индустрии необходимо иметь комплексное представление об образцовом промышленном специалисте XXI века. Считаю, что в основе такого представления должно лежать предвосхищение того нового типа труда и промышленных систем, которые придут на смену сегодняшним, а также выделение традиционного основания российской методологии

профессионализации и развития труда.

На стыке традиции и нового я бы выделил некий российский «кадровый стандарт»:

1. Группа специальностей (2–4, необязательно близко родственных), дающих достаточную широту профессиональной адекватности и способность работать мастером, руководителем производственного участка.

2. Сверхквалифицированность как способность наращивать свой профессионализм в зависимости от новых задач и новых типов труда, появления новых индустрий, способность переучиваться, целенаправленно переподготавливать себя.

3. Способность определять качество и эффективность труда путём сопоставления с мировыми, федеральными, разноотраслевыми и местными формами труда (например, сопоставлять реальные требования к труду на зарубежном предприятии и на отечественном, на предприятии наукоёмкого ВПК и на предприятии массовых продаж и т.д.).

4. Способность человека строить собственную промышленно-трудоу и профессиональную идентификацию, стремление воспроизводить, наращивать свою умелость и общественную значимость, планировать и строить карьеру.

На этих представлениях, с нашей точки зрения, должны выстраиваться и целевая функция кадровой индустрии, и кадровый потенциал региона, и стандарт среднего профессионального образования нового поколения — **российский национальный кадр XXI века**. Требуется принципиально поставить вопрос о самой институализации кадрового потенциала. Кадры — это человеческий потенциал, который из скрытого сокровища, интуитивно ощущаемого богатства переведён в явный, просчитываемый, предметно описываемый человеческий капитал.

Мы сегодня безобразно относимся к человеческому капиталу. Мы не считаем, что наши подростки, молодёжь — это подготавливаемые нами кадры, наше национальное достояние. В автоинспекциях поштучно посчитаны все автомобили, в Москве введён закон об обязательной паспортизации домашних собак. **А национального поштучного, персонального реестра существующих и подготавливаемых кадров — нет!** Подсчёт собак и автомобилей рассматривается как общественно значимая задача, а введение реестра кадров, по существу, никому в России не нужно!

Этот факт — наглядная демонстрация вопиющей нашей дикости. Мы не заинтересованы в основе нашего национального богатства. И при этом ещё ждём экономического роста, который вот-вот должен прийти... Откуда?

А раз не нужен человеческий капитал — просчитываемые и патронируемые кадры страны, то и отношение к сфере их производства соответствующее. То, что не нужно, почти ничего и не стоит.

Создавая кадровую индустрию, необходимо ввести национальный институт как систему работы с кадрами. Он мог бы строиться на идее национальной кадровой номенклатуры, национального кадрового реестра (кадастра) и на организации федеральной системы персонального кадрового патроната — т.е. отслеживания процессов становления и профессионализации кадров. Именно для создания и поддержки национального института кадрового патроната нужно вводить категорию кадрового тарифа, а также систему механизмов организации кадровой сферы: **разработать национальную кадровую доктрину, провести национальное кадровое совещание, принять национальную президентскую программу «Кадры России», создать национальную и региональные образовательно-промышленные комиссии, региональные советы по кадровой политике и т.д.**

Организационно-технологической основой кадровой индустрии могли бы выступить межрегиональный холдинг или образовательно-промышленная группа «Кадры для промышленности». Создание такого национального холдинга (агентства) могло бы стать ядром экспериментальной национально-промышленной системы России.

Проблема кадровой индустрии настолько значима, что решать её можно исключительно при условии прямого управления со стороны Президента Российской Федерации — например, создав Национальную кадровую комиссию при Президенте.

Если мы сумеем организовать кадровую индустрию и всерьёз, на самом высоком уровне вести кадровую политику страны, то тогда **среднее профессиональное образование впервые может выступить инициатором и организатором национального промышленного развития России**. И, возможно, страна сумеет подняться и восстановить статус мировой державы.